

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктор Калитвянский

ВОЗЧИК

Виктор Калитвянский

Возчик

«Автор»

2009

Калитвянский В. И.

Возчик / В. И. Калитвянский — «Автор», 2009

Зима 1938 г. Райцентр в Сибири. В НКВД приезжает новый начальник - женщина. В райотделе – две с половиной боевые единицы: ветеран Петренко, заставший царскую полицию, его воспитанник Семёнов да возчик. По мнению новой начальницы, местная власть погрязла в текучке. В то время как по стране тюрьмы ломятся от врагов народа, в райотделе - лишь один арестант. Новая начальница намерена исправить эту ошибку. Кроме того, она хочет найти бывшего станового пристава: тот до революции расстрелял рабочую демонстрацию, пропал в 1918 году, а теперь, по слухам, объявился в округе... Начальница начинает действовать и находит крамолу под самым носом первого секретаря райкома... Она успевает найти станового пристава, вернее, его призрак, получить благодарность - перед тем как самой попасть в жернова той мельницы, которая без устали перемалывает врагов... В книге помещены фотографии Ольги Полонниковой с премьеры спектакля "Возчик". Содержит нецензурную брань.

© Калитвянский В. И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Действующие лица	5
Сцена 1	6
Сцена 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Калитвянский

Возчик

Действующие лица

Семёнов – сотрудник НКВД, около 40
Петренко – сотрудник НКВД, около 60
Ковтун – уполномоченный НКВД, женщина лет 35
Секретарь (райкома) – за 40
Председатель (райсовета) – около 50
Возчик – неопределённого возраста
Шофёр – около 40
Анька – около 30
Второй секретарь (райкома) – около 40
Жена (второго секретаря) – около 40

Сцена 1

*Большая комната в старом деревянном доме – райотделе НКВД.
Справа – лестница в подвал. В центре – двустворчатая дверь. Слева – маленькая дверь.
Между двумя дверьми – старый шкаф. На стене, между большой дверью и лестницей в подвал
– портрет Сталина.*

*В центре – большой стол и две длинные лавки. Слева – стол поменьше, два стула.
За маленьким столом сидит Петренко, возится с бумагами.
Раздаётся выстрел. Петренко вздрагивает, смотрит в сторону лестницы, качает голо-
вой. Берёт папку с бумагами, идёт к шкафу, открывает дверцу. Раздаётся скрип.*

ПЕТРЕНКО. Господи ты боже мой...

*Вздыхает, ставит папку в шкаф. Тянется к дверце и осторожно её закрывает. Дверца
не скрипит.*

Идёт к столу. Снова берётся за бумаги.

*На лестнице из подвала появляется Семёнов. Лестница под его тяжёлыми шагами
постанывает. Семёнов садится за большой стол, расстёгивает ворот гимнастёрки. Сидит,
постукивая сапогом.*

СЕМЁНОВ. Вот сука...

ПЕТРЕНКО. Ты чего палил?

СЕМЁНОВ. Ничего!

ПЕТРЕНКО. Неужто ты его?..

СЕМЁНОВ. Не бойсь. Живой... Я так. Попугать.

ПЕТРЕНКО. Ну чего к нему пристал? Пусть человек отдыхает. Сколько ему жить-то
осталось – одному богу известно.

СЕМЁНОВ. Мне известно. Мне! Вот начальник вернётся из Иркутска, так он часу не
проживёт, сучье племя!

Пауза.

ПЕТРЕНКО. Только что-то долгонько его нет. Начальника-то.

СЕМЁНОВ. Думаешь, его тоже... *(Делает неопределённое движение.)*

ПЕТРЕНКО. Ничего я не думаю. Просто долго нету. *(Кладёт бумаги в папку и завязы-
вает тесёмки.)*

СЕМЁНОВ. А тебе бы только бумажку подшить.

ПЕТРЕНКО. А это не просто бумажки. *(Встаёт, идёт к шкафу).* Правильно оформлен-
ная бумага – это порядок. Когда порядок в бумагах, порядок и в государстве. *(Тянет дверцу,
раздаётся скрип).* Чтоб ты провалилась!

СЕМЁНОВ. Скрипит, гадина. Веретённого масла надо капнуть.

ПЕТРЕНКО *(ставя папку на полку).* Надо. Да где ж его взять.

СЕМЁНОВ. Как михеевскую лавку прикрыли в тридцать втором, так больше веретённого
не видали. *(Пауза).* Надо салом помазать, медвежьим... Налей.

*Петренко достаёт из шкафа стакан и штоф, наливает.
Осторожно, без скрипа, прикрывает дверцу.
Приносит стакан Семёнову. Тот одним махом выпивает.*

Порядок, говоришь... Ну, ну.

ПЕТРЕНКО (*чуть раздражённо*). Что – ну-ну? Опять ты за своё?

СЕМЁНОВ. А ты как думал? Кто из нас двоих должен быть бдительный?

ПЕТРЕНКО. Мы оба должны быть бдительные.

СЕМЁНОВ. Ну да. Только я – больше. Сам знаешь – почему.

ПЕТРЕНКО. Ты это брось. Я про порядок... Порядок – он что при капитализме, что при социализме... Товарищ Ленин что говорил? Социализм – учёт и контроль. А что такое учёт и контроль? Это и есть порядок.

СЕМЁНОВ. Да?

ПЕТРЕНКО. Да! Написано в статье... (*Хмурится, пытается вспомнить*). В общем, в одной известной статье.

СЕМЁНОВ. Ну вот. Забыл. Опять же, непонятно почему забыл. Может, потому что старый стал, а может – ещё почему-то? А?

ПЕТРЕНКО. Опять ты за своё...

СЕМЁНОВ. Ты гляди у меня, забывчивый!.. Насквозь я тебя вижу, старый хрен. Ты одну особую бумажку, гляди, не потеряй со своим порядком... На которой две подписи стоят. И третью ждут. Не забыл?

ПЕТРЕНКО. Помню.

СЕМЁНОВ. Как начальник на порог, так сразу – третья подпись... Тогда я его и кончу.

Оба смотрят в сторону лестницы.

ПЕТРЕНКО. Ты бы не палил попусту. А то не дай бог, зацепишь кого. Забыл, как нашего Колчака подстрелил?

СЕМЁНОВ. Ишь ты, собачонку пожалел. А может, он за дело пролетариата погиб, а? (*Пауза.*) Лучше бы ты тех людишек жалел, которых твои дружки расстреливали...

ПЕТРЕНКО. Ей-богу, что ж ты каждый раз поминаешь-то? Столько лет прошло.

СЕМЁНОВ (*похлопав себя по левому плечу*). А меня поминалка есть. Как погода на перемену, так я вспоминаваю, как вы по народу шмоляли и как я чуть не отдал... чуть не погиб.

ПЕТРЕНКО. Ребята же поверх голов стреляли. Тебя-то кой чёрт понёс на ту сосну?

СЕМЁНОВ. Ага, меня, значит, случайно зацепило. А десяток мужиков?

ПЕТРЕНКО. Ну что ты врёшь? Трое молодых со страху пальнули – в божий свет, как в копеечку. Задело кого-то. Ну и тебя...

СЕМЁНОВ. Кого-то. Не кого-то, а – народ.

ПЕТРЕНКО. Ну да, ты у нас – народ.

СЕМЁНОВ. А кто же я по-твоему? Или, может, народ у нас – ты? Чего молчишь? (*Пауза.*) Вот и выходит – народ расстреливали. А кто приказ отдавал? (*Смотрит на Петренко. Петренко молчит.*) Твой дружок, становой пристав.

ПЕТРЕНКО. Сколько раз тебе говорят, не дружок он мне. Он был начальник, а я – служащий.

СЕМЁНОВ. Служащий... Ишь ты. Помощник станового пристава.

ПЕТРЕНКО. Хватит тебе. Я всю жизнь агентурой занимался. А это при всех властях требуется. И вообще...

СЕМЁНОВ. Что – вообще?

ПЕТРЕНКО. Совести у тебя нет, вот что. Я ж тебя, дурака, вот на этих руках сюда принёс. И возился с тобой, пока фельдшер мужиков пользовал.

СЕМЁНОВ. И что?

ПЕТРЕНКО. А ничего.

Пауза.

СЕМЁНОВ. А может, потому ты здесь и сидишь, живой да здоровый, бумажки свои перебираешь, что я помню... А? (*Они смотрят друг на друга. Петренко машет рукой*). То-то. (*Пауза*). Говорят, его опять видали.

ПЕТРЕНКО. Кого?

СЕМЁНОВ. Сам знаешь, кого.

ПЕТРЕНКО. А, ерунда. Небось, Васька-дурачок?..

СЕМЁНОВ. Что у Васьки на языке, у других на уме.

ПЕТРЕНКО. Двадцать лет прошло, как он пропал.

СЕМЁНОВ. И что? Могилы – нет. И трупа – нет.

ПЕТРЕНКО. Попусту болтают.

СЕМЁНОВ. А только вот описывают его, словно бы живёхонького.

ПЕТРЕНКО. Ты сам Ваську в смущенье вводишь. Он со страху чего только не выдумает.

СЕМЁНОВ. Может, и так. А может, и нет.

Распахиваются обе дверные створки. Входит женщина в чёрном пальто и с саквояжем – Ковтун.

КОВТУН. Кто здесь старший?

Семёнов и Петренко переглядываются.

ПЕТРЕНКО. Он.

СЕМЁНОВ. Я.

Ковтун протягивает Семёнову бумагу.

СЕМЁНОВ (*читает*). Управление НКВД по Иркутской области... направляется... товарищ Ковтун...

КОВТУН. Это я.

ПЕТРЕНКО. А начальник наш... Не будет его?..

КОВТУН. Я теперь ваш начальник.

СЕМЁНОВ (*вставая*). Ага... Присаживайтесь, товарищ... (*Смотрит в бумагу*). Товарищ Ковтун.

Ковтун растёгивает пальто, садится на лавку за большой стол, ставит рядом сак-вояж.

КОВТУН. Весь наличный состав?

СЕМЁНОВ. Ещё возчик есть.

КОВТУН. Арестованные?..

СЕМЁНОВ. В подвале. Как положено.

КОВТУН (*оглядывая помещение*). Старая постройка. Дореволюционная?

СЕМЁНОВ. Так точно.

Кивает на Петренко. Ковтун смотрит на Петренко.

ПЕТРЕНКО. Полицейская часть занимала...

КОВТУН. А ты там служил, верно?

ПЕТРЕНКО. Верно.

КОВТУН. Так это при тебе был тот самый расстрел рабочих на мосту?

СЕМЁНОВ. А как же! При нём. То есть, при нас.

КОВТУН. При вас?

СЕМЁНОВ. Ну да. Он в полиции служил, а я, значит, малолетний. Одиннадцать годов. На сосну залез, поглядеть, чего там мужики у моста собрались. А как они (*кивает на Петренко*) по народу шмолять стали, тут и мне досталось...

ПЕТРЕНКО. Сколько раз я тебе говорил: поверх голов стреляли!

СЕМЁНОВ. Вот, в плечо долбануло, прямо по кости пуля шмыгнула. Иной раз так ломит, спасу нет.

КОВТУН. А кто приказ отдавал?

СЕМЁНОВ. Ясное дело, кто. Становой. Пристав.

КОВТУН. Тот самый, который пропал в восемнадцатом году?

Пауза. Ковтун смотрит на Петренко. Петренко и Семёнов – на Ковтун.

СЕМЁНОВ. Тот самый. Ни трупа, ни могилы. Вот, в этом подвале сидел. Утром пришли, а его и след простыл. С тех пор никто не видал. Окромья Васьки-дурачка.

Пауза.

КОВТУН (*глядя на Петренко*). Так говоришь, приказ был – поверх голов?

ПЕТРЕНКО. Поверх.

КОВТУН. А как же убитые?

ПЕТРЕНКО. Один был убитый. А два трупа с прииска притащили. Следствие установило.

СЕМЁНОВ. Может, с прииска, а может, и нет.

ПЕТРЕНКО. Трое было новобранцев, без году неделя. Мужики стеной попёрли, у них руки-то и затряслись. Несчастный случай.

СЕМЁНОВ. Может, и несчастный. А может, и нет.

КОВТУН (*Петренко*). А может, это ты приказ отдал?

ПЕТРЕНКО. Я? Господь с вами.

Поднимает руку – перекреститься, но – опускает. Ковтун улыбается.

СЕМЁНОВ. Да нет. Он по агентуре всегда работал. Это он меня сюда приволок и перевязал... Ну, когда меня подстрелили. Он по агентуре, Петренко-то наш...

КОВТУН. Ладно, разберёмся.

СЕМЁНОВ (*решительно*). Товарищ Ковтун, тут вопрос есть... Важный.

КОВТУН. Какой вопрос?

СЕМЁНОВ (*Петренко*). Протокол давай!

Петренко медлит, глядя на Ковтун.

КОВТУН. Что за протокол?

СЕМЁНОВ. Решение тройки. Две подписи есть. Прокурор и секретарь райкома. А начальника нашего в Иркутск вызвали... ну, вы знаете. И он забыл подписать. Такая вот хреновина.

КОВТУН (*Петренко*). Где протокол?

Петренко идёт к шкафу. Открывает дверцу. Раздаётся скрип.

СЕМЁНОВ. Вот зараза! Скрипит. Веретённого масла не можем достать.

Петренко снимает папку с полки, достаёт бумагу, подходит к Ковтун.

КОВТУН. По агентуре, говоришь? Это хорошо.

Читает протокол. Семёнов подносит чернильницу и ручку. Ковтун берёт ручку и подписывает.

СЕМЁНОВ. Разрешите, товарищ Ковтун, исполнить приговор трудового народа?

КОВТУН (*внимательно глядя на Семёнова*). Разрешаю.

Семёнов кивает, пятится два шага, поворачивается и быстро спускается по лестнице в подвал.

КОВТУН. Он всегда такой?.. Не терпится ему – всегда?

ПЕТРЕНКО. Да нет.

КОВТУН. А этот чем ему насолил?

Пауза.

ПЕТРЕНКО (*неохотно*). Болтают... Не поделили они... ну, по женской части.

КОВТУН (*улыбаясь*). Понятно.

Открывает саквояж, достаёт склянку, капают себе на ладони. Протирает руки платком.

Раздаётся выстрел.

Петренко поднимает руку, но – опускает.

КОВТУН. Сколько у вас арестованных?

ПЕТРЕНКО. Один. То есть... теперь – ни одного.

КОВТУН. Один? (*Качает головой*). Работнички. Ладно, разберёмся.

КОНЕЦ 1-ой СЦЕНЫ

Сцена 2

За большим столом сидят Ковтун, Секретарь, Председатель. За малым – Семёнов и Петренко.

КОВТУН. Я гляжу, вы здесь увязли в текучке, перспективы не видите.

СЕКРЕТАРЬ. Почему же мы не видим?..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А текучка – это наша работа и есть.

КОВТУН. У вас в НКВД всего один арестованный сидел.

Смотрит в сторону малого стола. Секретарь и Председатель тоже смотрят в сторону малого стола. Семёнов кашляет, Петренко озабоченно обмакивает перо в чернильницу.

СЕКРЕТАРЬ. Почему один? Было больше. Сколько мы, Семёнов, разоблачили врагов за год?

СЕМЁНОВ (*глядя в бумажку, которую ему подкладывает Петренко*). Выявлено и разоблачено сто семь явных и скрытых врагов.

КОВТУН. Сто семь за год? Надо сто за месяц!

Секретарь и Председатель переглядываются.

СЕКРЕТАРЬ. Мы уже принимали встречные обязательство по разоблачению. У нас был план – семьдесят, мы приняли встречный на девяносто, а получилось – за сто...

СЕМЁНОВ. Сто семь.

КОВТУН. Сколько расстрельных?

СЕМЁНОВ (*глядя в бумажку*). Высшая мера социальной защиты... восемнадцать человек... Остальные осуждены на различные сроки...

КОВТУН. Негусто!

СЕКРЕТАРЬ. Начальник райотдела... тот, что до вас... он в Иркутск уехал.

КОВТУН. Понюхать, куда ветер дует?

СЕКРЕТАРЬ. Может, и так. Уехал и не вернулся.

КОВТУН. И вы теперь сидите и ждёте. Сложь руки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*кашлянув*). Надо принять во внимание, товарищ уполномоченный... уполномоченная... У нас ведь не Иркутск. У нас людей мало. Полчеловека на квадратный километр.

СЕКРЕТАРЬ. Да, в общем. Мало людей, верно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Людей мало, а планы надо выполнять. Прииск, кирпичный завод. Разрез угольный. Да лесопилка.

СЕКРЕТАРЬ. Да. Большое хозяйство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обстановка сложная. Народ у нас... в тайге неделями бродят. Никого не боятся. Ни волка, ни медведя.

КОВТУН (*улыбаясь*). А советскую власть они боятся?

Секретарь и Председатель снова переглядываются.

СЕКРЕТАРЬ. А чего её бояться, советскую-то власть? Она родная трудовому народу. Это пусть её боятся всякие недобитки, да диверсанты, да предатели.

КОВТУН (*улыбаясь, в сторону малого стола*). Верно, товарищи?

СЕМЁНОВ. Так точно, пусть боятся.

Петренко с озабоченным видом обмакивает ручку в чернильницу.

Ковтун поднимается, делает несколько шагов по комнате.

КОВТУН. Прииск, разрез, лесопилка...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И кирпичный завод!

КОВТУН. Да, и кирпичный завод. И люди, которые ни волка, ни медведя не боятся. Полчеловека на квадратный километр.

СЕКРЕТАРЬ. Всё верно, так и есть. Вы верно поняли обстановку.

КОВТУН. Спасибо, товарищ секретарь. Только у меня к вам вопрос. Что будет, если этот полчеловека на квадратный километр – враг?

Секретарь и Председатель явно хотели переглянуться, но – сдержались.

СЕКРЕТАРЬ. Это шутка?

КОВТУН. Шутка. А вот без шуток: что будет, если этот человек, который у вас один на два квадратных километра, – враг? А если этот враг – директор кирпичного завода? Или – прииска? Или – тот, который на лесопилке? Или – ваши заместители? У вас ведь есть заместители?

Ковтун стоит перед столом и смотрит в лица сидящим, переводя взгляд с одного на другое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*тряхнув головой*). Да, у нас есть заместители.

СЕКРЕТАРЬ. Только они все проверены-перепроверены. Верно, Семёнов?

СЕМЁНОВ. Так точно.

Ковтун с улыбкой смотрит на Председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что вы так улыбаетесь, товарищ уполномоченный?.. Уполномоченная...

КОВТУН. Проверены-перепроверены...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*вскакивая*). Вы это бросьте!..

СЕКРЕТАРЬ (*дергая его за руку*). Тихо, тихо!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да что тихо, ети твою мать! Она намекает на то, что в тридцать четвёртом году я две недели в этом вот подвале просидел. (*Машет в сторону лестницы.*) Да, арестовывали! Разобрались и выпустили!

КОВТУН. Вот и хорошо. Разобрались же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И не надо меня запугивать!

СЕКРЕТАРЬ. Тише, тише...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я свои задачи знаю. Пусть каждый занимается своими задачами.

СЕКРЕТАРЬ. Спокойно, товарищи. Мы должны работать в тесной связке. Как учит нас партия. Партийные органы, исполнительные органы, специальные органы – это просто разные руки одного и того же организма. И одна рука должна знать, что делает другая... А чего вы опять улыбаетесь, товарищ уполномоченный?

КОВТУН. А у вас три руки получилось, товарищ секретарь. Словно у какого-то языческого бога.

СЕКРЕТАРЬ. Бога? Да нет, какой там бог... Зарапортовался.

СЕМЁНОВ. А что, товарищ секретарь, может, оно и правильно. У обычной власти, какой-нибудь власти буржуазных эксплуататоров, две руки, а у нашей родной советской – пусть будет три. Так оно надёжней.

СЕКРЕТАРЬ. Надо же... Ну ладно. Три так три. Одним словом, надо работать в связке и не допускать, чтоб нас могли (*делает рубящий жест*) разорвать в разные стороны. Согласны?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Само собой.

КОВТУН. И я согласна. Только вот...

СЕКРЕТАРЬ. Что?

КОВТУН. Неувязка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая неувязка?

КОВТУН. А вот какая, товарищ председатель. По всей стране идёт беспощадная борьба с врагами советской власти, а у нас тишь да гладь, да эта самая буржуазная благодать.

СЕКРЕТАРЬ. Буржуазная?

КОВТУН. А какое слово тут годится? По всей стране тюрьмы ломаются от врагов советской власти, а у вас в районе – нет врагов? Вы отдаёте себе отчёт, какая картина вырисовывается?

Пауза.

СЕКРЕТАРЬ. Но ведь мы выявили сто семь человек...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А у нас населения – три с половиной тысячи.

КОВТУН (*улыбаясь*). Вы хотите сказать, товарищ председатель исполкома, что нужно выдерживать процентную норму? И что если враги будут превышать эту вашу норму, мы должны оставить врагов в покое? Пусть враги делают свою вражескую работу, потому что товарищ председатель исполкома установил процентную норму...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да что ты там несёшь? Кто ты такая?

СЕКРЕТАРЬ. Тихо, тихо.

КОВТУН. Кто я такая? Я уполномоченный Иркутского НКВД. Начальник вашего райотдела. В мои обязанности входит беспощадная борьба с врагом на вверенной мне территории. И я буду вести эту работу, невзирая ни на какие трудности, ни на какие нормы, ни на какие частные мнения. И я напоминаю вам... борьба с врагом – это также и ваша первейшая обязанность. Я даже не знаю, что важнее, борьба с врагом или партийная работа, советская работа. Потому что ведь если проглядеть, не выявить врага, не будет никакого толку ни от партийной, ни от советской работы.

Секретарь и Председатель переглядываются. Семёнов смотрит на Петренко, тот внимательно разглядывает кончик пера.

СЕКРЕТАРЬ. Вы, товарищ уполномоченная, не увлекайтесь... Органы сегодня играют важную роль... Но не надо принижать роль партийных и советских органов. И кадры... не надо излишне... врагов надо выявлять, а кадры надо пестовать... Нас тут, проверенных кадров, не так уж много. Вот, товарищ председатель исполкома. Двадцать пять лет живёт здесь после ссылки, так и не вернулся на свой Урал. Партизанил. Казаки брали в плен, пытали. Вот здесь же, в подвале... Бежал, снова партизанил...

КОВТУН (*улыбаясь*). Бежал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*вскидываясь*). Да, бежал!

СЕКРЕТАРЬ. Тихо, тихо.

КОВТУН. Как же удалось?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А я охрану распропагандировал. Двое со мной в лес ушли. Понятно?

КОВТУН. Понятно. Распропагандировал.

СЕКРЕТАРЬ. Потомна советской работе до сих пор. Или вон Семёнов. Пострадал от царского режима, исполняет важнейшую, труднейшую работу...

КОВТУН. И вы, товарищ секретарь...

СЕКРЕТАРЬ (*настороженно*). А что я?..

КОВТУН. Вы ведь тоже ценный кадр. Двадцать лет партийной работы – не шутка. Вот, правда, уклоны. Сначала левый, троцкистский...

СЕКРЕТАРЬ. Мы спорили, шла общепартийная дискуссия...

КОВТУН. А потом правый, в двадцать девятом...

СЕКРЕТАРЬ. Это просто колебания... Кратковременные!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы, товарищ уполномоченный...

КОВТУН. Что я?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы что поддывали при царском режиме?

Пауза.

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ уполномоченная при царском режиме, наверно, в гимназию ходила...

Пауза.

КОВТУН. Вы хотите сказать, что возраст и прежние заслуги – гарантия от ошибок или предательства? Вам напомнить фамилии?.. Примерно вашего возраста... Напомнить?

СЕКРЕТАРЬ. Не надо. Все знают.

КОВТУН. Вот и хорошо. Что все знают. *(Пауза.)* А борьбы с врагом хватит на всех... Верно?

СЕКРЕТАРЬ. Верно! Я же говорил, что мы должны быть... как один кулак! Вот! *(Потрясает сжатым кулаком, потом озабоченно смотрит на часы.)* Ну что, Николай, надо ехать... Рад был познакомиться.

Секретарь и Председатель идут к двери.

КОВТУН *(уходящим в спину)*. Так что, не будем смотреть на процентную норму?

СЕКРЕТАРЬ *(в дверях)*. Вот ведь ты какая... Не смотрим, конечное дело, на норму. Смотрим только на то, враг или нет...

КОВТУН. Договорились.

Секретарь и Председатель уходят.

Ковтун садится за стол.

Семёнов и Петренко молчат. Ковтун сидит, глядя в стол.

Семёнов и Петренко встают и уходят в подвал.

Из маленькой двери появляется мужчина неопределённых лет. Он становится возле двери, смотрит перед собой. Губы на лице мужчины непрестанно шевелятся, как если бы он что-то бормотал себе под нос.

КОВТУН *(заметив мужчину)*. Ты кто такой? *(Мужчина не отвечает, даже не поворачивает головы, не переставая шевелить губами.)* Чего ты там бормочешь? *(Мужчина не отвечает.)* Ты кто?.. Возчик? *(Мужчина не отвечает, не переставая что-то бормотать себе под нос.)* Понятно... *(Тихо.)* Спятил на перевозке трупов?.. Какие мы чувствительные... *(Громко.)* Давно служишь? *(Мужчина не отвечает. Громко.)* Станового помнишь? *(Возчик перестаёт шевелить губами.)* Ага... Пристава знал, возчик? *(Возчик поворачивает голову, смотрит на Ковтуна. Затем кивает головой и снова отворачивается.)* Вот как... Значит, не так уж мы и больны. А как он выглядел, становой? *(Возчик не отвечает, принимается снова шевелить губами.)* А куда он делся? *(Возчик не отвечает.)* Мне нужна зацепка, возчик. Понимаешь? Зацепка.

Я не верю, что у них тут всё чисто. Этот Петренко... Всю жизнь на агентуре... Допустим. А где материалы? Где отчёты осведомителей? Возчик, слышишь меня? Где материалы Петренко? (*Возчик перестаёт шевелить губами.*) Где бумаги? В сейфе? (*Ковтун встаёт, подходит к шкафу. Тянет дверцу. Та со скрипом отворяется. Достает штоф.*) Спирт... А здесь, что? (*Громко.*) Семёнов! (*Возвращается к столу.*)

Возчик уходит в малую дверь.

По лестнице поднимается Семёнов.

СЕМЁНОВ. Я здесь, товарищ Ковтун.

КОВТУН. Где вы храните секретные документы?

СЕМЁНОВ (*вздыхая*). Тут вот какая история... Сейф всё не везут, вот мы и... Начальник разрешил.

КОВТУН. В шкафу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.